

такой семантикой *hapaх legomenon доужебоу* может быть понят как термин, обозначающий либо денежный штраф, либо разновидность преступления. Оба значения выводятся из значения ‘сила’, которое устанавливается для корня *dug-* в результате сравнительной реконструкции. Автор показывает, что древнерусское законодательство апеллировало к понятию ‘сила’ при побоях, однако в других памятниках использовался термин *вѣкъ*. Тот факт, что и *dug-*, и *вѣк-* означали ‘сила’, позволяет интерпретировать *доужебоу* как еще один термин для ‘штрафа за силу’, платежа за нанесение ущерба ‘силе’ жертвы.

Проведенный автором анализ очень тщателен, и предложенная им интерпретация слова *доужебоу* представляется убедительной; тем самым основное предположение автора в целом должно быть признано высоковероятным.

№ 877 (2 четв.– сер. XII в.; Б 22) [3]. С не засвидетельствованным в других источниках словом *дикатыи* ‘дикий’, ‘диковатый’ (в выражении *дикати людѣе*) связана та трудность, что суффикс *-ат-ый* как правило присоединяется к основам существительных, а не прилагательных (ср. *усатый, рогатый* и т. п.). Примеры типа *сѣдатый*, образованные от адъективной основы, чрезвычайно редки. Поэтому полезно указать еще один пример этого рода, сверх отмеченных в ДНД₂ (с. 316): *рыжатыи* ‘рыжий’ (СРНГ, 35: 304, с пометами Новг., Вост. Прибайкалье).

№ 887 (сер. XII в.) [Г]. Вопреки сказанному в издании, фрагменты поддаются разделению на слова: на обеих сторонах берестяного листа была написана молитва: *Г(оспод)и помози рабоу своему (такому-то)*. На одной стороне сохранилось: *(помози) раб(о)у свое(моу)*, на другой: *[р](а)[б]оу с(воемоу)*.

№ 909 (кон. XI – нач. XII в.; А 9) [3]. В 3-й строке в имени *Т[е]--лтѣ* на новой фотографии видно, что от верха мачты третьей буквы вправо отходит слабая петелька, которая может принадлежать букве *р* или *в*; ср. в этой грамоте *р* с очень маленькой головкой в слове *зривны*. Тем самым должно быть признано чтение *Т[ерд]лтѣ*, которое оказывается аналогом написанию *млви* в № 952.

Ст. Р. 35 (20-е–50-е гг. [предпочт. 30-е–40-е] XII в.; Б 34) [3]. Что касается отсутствия йотации в форме *аесово*, то полезно отметить, что вариант *аице* (без йотации) отражен в Срезн. и СДРЯ (а именно, он встречается в Остромировом евангелии, в Ефремовской кормчей и др.).

Смол. 9/8 (кон. XII – нач. XIII в.; Б 137) [3]. Новая прорись грамоты Смол. 8, изготовленная Варварой Солдатенковой, показала, что в конце автор сперва написал *ажеси* (с правильным ритмом букв), а потом втиснул между *ж* и *е* букву *о* (именно *о*, а не *е*). Таким образом, следует читать: *ажо еси*.

Смол. 12 (сер. XII в.; Б 41) [3]. Для реконструкции *оже хъчеши пѣ (м)ъне* ср.: *хотѣль быхъ дати оуб(о)гымъ, но не имѣю ни злата, ни сребра, ни иного ничего же лежаща изобила, и аще бы по мнѣ, не гнѣвалса быхъ ни на кого же* (ЖАЮ, 376).

Твер. 5 (кон. XIII – нач. XIV в.; Г 41) [Г]. В работе (Гиппиус, Схакен 2011) предложена трактовка грамоты, в следующих моментах отличающаяся от принятой в ДНД₂. Во-первых, в двух случаях, для которых А. А. Зализняк оговаривает возможность альтернативного чтения, мы отдаем этой альтернативе предпочтение. Фрагмент, переданный в ДНД как *атѣ [ѣ]но сотѣсываѣте* ‘пусть даже он стесывает’, мы читаем (следуя предположению В. Л. Янина): *а тѣсно сотѣсываѣте*, предполагая здесь гапакс *тѣсно* ‘затес’. Слово *бортникъ* (записанное с ошибкой: *бортикъ*) мы, вслед за Т. В. Рождественской, переводим как ‘бортник’ (а не как ‘борть’); соответственно, *окралоса* трактуем не как пассив (‘обокрадена’), но как форму активного залога, сопоставляя этот глагол с современными *описаться, оговориться, оступиться*, обозначающими действия, совершенные

непреднамеренно, по ошибке; на этом фоне окрался может быть понято как ‘по ошибке присвоил чужое’. Как обозначение незначительной, совершенной без злого умысла кражи этот глагол выступает и в «Вопрошании Кириковом» (гл. 83): *ѡже ли ѡкрадеть(с), а то оуложат ѡтаи, то достоить* [поставить дьяконом].

Главная же поправка заключается в переосмыслении коммуникативной структуры грамоты. Слова *азо дубие ѡимаю по своєї мети* и *то мои дубо, ваше бортико окралоса первы* мы предлагаем считать прямой речью Шуйги, вводимой без эксплицитного маркирования, что в берестяных грамотах — не редкость (ср. № 154, 697, 755, 962). При таком членении текста в нем выделяются три смысловые части: 1) констатация общего положения дел; 2) более подробное описание действий Шуйги, с цитированием его слов; 3) призыв к адресату вмешаться и исправить положение. Приведем текст с разделением на эти части в нормализованной орфографии:

Ѡ Илицѣ ко Илие. 1) *Шюига дубие переписываеть, а бчелы ти лазиль.* 2) *«азъ, — [говорит Шуйга], — дубие ѡимаю по своєї мети».* *А тесно [он] сътесываеть, [говорит]: «то мои дубъ, вашъ бортникъ окралъса первый».* 3) *А нынѣ поѣди самъ сѣмо, утверди свою борть.*

Не пересказывая деталей аргументации, обосновывающей такую трактовку, скорректируем наше понимание заключительных слов Шуйги. Слова *ваше бортико окралоса первы* мы перевели ‘ваш бортник первый своровал’. Такой перевод оставляет неясным, какому более позднему акту воровства противопоставляется эта «первая» кража. Всё становится на свои места, если понимать *первый* не как часть именного сказуемого, а как дистантно расположенное определение к *бортникъ*, имеющее значение ‘прежний’ (см. СДРЯ, 9: 273). Стесывая «тесно» Ильи, Шуйга утверждает, что дубы принадлежат ему и что прежний бортник Ильи «окрался», нанеся на них свои знаки. Перевод грамоты в целом приобретает таким образом следующий вид: ‘От Илийцы к Илье. Шуйга переделывает метки на дубах и вынимал мед из ульев. [Он говорит]: «Я отбираю дубы по своей метке». А затес стесывает, [говоря]: «Это мой дуб, [это] ваш прежний бортник своровал». Поезжай же теперь сам, утверди [владение] своей бортью’.

Звен. 2 (10-е – 30-е гг. XII в.; Б 43) [Г]. Как отметил А. П. Толочко (2008), 60 кун за ладью, которые автор грамоты собирается взыскать с адресата, соответствуют норме штрафа, установленной за кражу ладьи в Русской Правде. Отражение грамотой этой правовой коллизии исследователь считает противоречащим предложенной в Гиппиус 1991 и принятой в ДНД трактовке слов *ида на судъ* как метафоры, обозначающей состояние человека в преддверии смерти (эта трактовка, напомню, опиралась на параллель из Жития Мефодия, где формула *на соудъ градыи* использована во фразе, вводящей духовное завещание Константина). По его мнению, «в грамоте речь идет не о смерти Говена и его завещании, но о его требовании возмещения по суду стоимости ладьи (украденной или утраченной Неженцем), о чем, видимо, Неженец прежде уже был извещен (“поп писал”). Суд, на который отправился Говен, — не метафорический, но вполне реальный княжеский, чем объясняется и угроза Говеновой жены привлечь княжеского отрока: для исполнения судебного решения» (Толочко 2008: 277).

Это объяснение было бы достаточным и даже само собой разумеющимся, если бы не следующее обстоятельство, проигнорированное А. П. Толочко: денег за ладью требует от Неженца не сам Говен, а «Говеновая». Даже при самой смелой оценке степени самостоятельности женщины в домонгольской Руси вряд ли возможно вообразить ситуацию, в которой жена настолько заправляет финансовыми делами мужа, что сама угрожает явиться к должнику с судебным исполнителем. О том, что «Говеновая» выступает в тексте не как жена Говена, а как его вдова, писал уже И. К. Свешников (1990: 128) при первой публикации грамоты («Слід думати що Говен помер: борг від Нежничча хоче одержати вже не він, а його дружина Говенова»). Наша трактовка слов *ида на суд* лишь подтверждает такое понимание дела, позволяя истолковать ситуацию грамоты наиболее экономным способом. Сам И. К. Свешников, как и А. П. Толочко, полагал, что речь идет о княжеском суде, в который ранее обратился Говен и выполнения постановления которого, записанного попом, после смерти мужа требует от должника вдова. Однако поп, как следует из текста, записал то, что «поведал» Говен, а вовсе не судебное постановление; считать же, что записано было исковое заявление Говена, — значит допускать маловероятный